

**ПОЭТ В САЛЕНТО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ:
О РОЛИ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В ДВИЖЕНИИ
ЗА СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА**

© 2017 г. Е. А. Литвин

аспирант Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, преподаватель факультета иностранных языков
Московского государственного психолого-педагогического университета,
Россия, 121500, г. Москва, пос. Рублево, ул. Василия Ботылева, д. 31
evgenya.litvin@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 20 марта 2017г.

**A POET IN SALENTO IS MORE THAN A POET:
ON THE ROLE OF LITERARY CREATIVITY
IN THE LANGUAGE CONSERVATION MOVEMENT**

© 2017 Evgenya A. Litvin

PhD student, Center for Typology and Semiotics of Folklore of the Russian State University for the Humanities,
Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Moscow State University of Psychology and Education,
31 Vasiliy Botylev Str. Rublevo Village, Moscow, 121500, Russia
evgenya.litvin@gmail.com

Received by Editor on March 20, 2017 г.

В статье рассматриваются примеры метаязыковой рефлексии, характерные для носителей языка грико (южная Италия, рег. Апулия, пров. Лечче). Активно владеют грико лишь некоторые представители старшего поколения (приблизительно 1930–40 годов рождения), а сам он практически не используется в качестве языка повседневного общения. Тем не менее, начиная с 1970–80 гг. в регионе предпринимаются попытки ревитализации грико. Одно из направлений деятельности локальных активистов – поощрение литературного творчества местных жителей на этом языке. Работа посвящена анализу того, какое место занимает литературное творчество в процессе сохранения и ревитализации миноритарного языка и какие стратегии применяют авторы текстов для того, чтобы сделать их понятными потенциальной аудитории, не владеющей грико.

The main focus of this work is metalinguistic reflection of speakers (prov. Lecce, region Apulia, Southern Italy). Griko is not used anymore as a common language for everyday communication, and only some representatives of the older generation (born circa 1930–1940) have a good command of it. Nevertheless, since the 1970's–1980's, the region has evidenced numerous attempts at language revitalization. Among other things, the language activists have encouraged local population to create literary texts in Griko. My interest is in how literary works further the process of the minority language preservation and revitalization. I also study the main strategies the authors use to make their texts more comprehensible for those who lack fluency in Griko.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, наивная литература, языковое поведение, миноритарные языки, исчезающие языки, ревитализация языков

Keywords: metalinguistic reflection, naïve literature, linguistic behavior, minority languages, endangered languages, language revitalization.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Данная статья посвящена одному из аспектов ревитализации языка, находящегося на грани исчезновения, а именно особенностям

литературного творчества на нем. В фокусе внимания при этом оказываются как сами произведения, так и метаязыковая рефлексия их авторов, обусловленная спецификой социолингвистической ситуации: большинство авторов не

использует данный язык в повседневной коммуникации, а потенциальные слушатели и читатели, как правило, владеют им еще в меньшей степени.

Объектом интенсивной рефлексии авторов становится собственно выбор языка, а также его специфические свойства, которые ограничивают их творческий потенциал и до определенной степени детерминируют тематические и жанровые особенности текстов.

Язык, о котором пойдет речь, — это диалект греческого языка, распространенный на Салентийском полуострове (южная Италия, регион Апулия, провинция Лечче). Варианты его локальных именовании — “грико” (при написании латиницей используется как *griko*, так и *grico*), или “салентийский греческий” (*greco salentino*). Он включен в перечень языков, находящихся под угрозой исчезновения, составленный ЮНЕСКО, а также, согласно закону № 482, принятому в 1999 г., его носители принадлежат к одному из двенадцати исторических этноязыковых меньшинств Италии, которые находятся под охраной государства.

Населенные пункты, в которых проживают носители грико, а также территория, которая считается экс-эллинофонной (на грико разговаривали здесь до середины XIX — начала XX в.), объединены в сообщество под названием “*Grecia Salentina*” (“Салентийская Греция”). Это территориальное объединение не имеет соответствия на уровне государственного административного деления (охватывая лишь часть провинции Лечче) и было создано в 1990 г. для того, чтобы представителям администрации было легче организовывать совместные культурные мероприятия. Такие мероприятия не обязательно связаны с сохранением языка, но могут охватывать любые аспекты локальной культуры: от народной музыки до архитектурных достопримечательностей или кулинарных рецептов. Тем не менее, именно язык оказывается объединяющим фактором и своего рода культурным маркером территории.

Специфика положения грико (который после длительного периода стигматизации стал значимым локальным брендом, рассчитанным во многом на внешнего потребителя) определяет его использование. Салентийский полуостров в последние десятилетия из “медвежьего угла” страны превратился в популярное туристическое направление. Каждое лето он привлекает тысячи туристов, как итальянских, так и иностранных. Особое место в этом ряду приезжих занимают туристы из Греции, для которых данный регион предстает интерес, не в последнюю очередь

благодаря его историко-культурной составляющей. Соответственно, грико, который практически исчез из бытовой устной коммуникации, тем не менее, активно используется в письменной речи: на вывесках магазинов и ресторанов, в названиях сортов вина или блюд, в газетных заголовках и в названиях улиц.

Другой вариант использования грико — разного рода перформативные практики. Они включают в себя спектакли, концерты и декламации поэзии. Ниже — зарисовка из экспедиционной жизни, которая иллюстрирует, как именно происходит знакомство приезжих с салентийской поэзией. Осенью 2012 г. в составе исследовательской группы диалектологов автор этой статьи провела несколько недель в Саленто¹. В деревне Стернатия, во время поисков информантов, бегло говорящих на грико, сразу несколько местных жителей посоветовали нам обратиться к их односельчанину Винченцо Реале, мотивируя это тем, что “он поэт”. Когда тот появился на главной площади деревни и был представлен нам, он практически с первой минуты начал декламировать свои стихи.

Стоит подчеркнуть, что нашей целью во время этой поездки было изучение спонтанной речи, для чего декламация стихов не слишком подходила. Однако эта история заставила меня задуматься о том, как функционирует язык грико, и какую роль в этом играет литературное творчество.

Во-первых, грико используется во время коммуникации с посторонними, а не внутри самого сообщества. Некоторые из наших респондентов знали язык в той или иной степени, однако в повседневных разговорах с друзьями его не использовали (как правило, мотивируя это тем, что среди нескольких собеседников обычно оказывается кто-нибудь, не знающий языка, поэтому говорить на нем будет невежливо по отношению к этому человеку). Те из них, кто знал грико, начинали говорить на нем лишь “по запросу извне”, т.е. после нашей специальной просьбы.

Во-вторых, несмотря на то, что несколько человек из тех, к кому мы обратились, и сами говорили на грико, они предпочли делегировать роль “спикера” другому человеку. Причем, было очевидно, что такая переадресация происходит уже не в первый раз.

¹ Состав ее участников — Владимир Панов, Кристина Гетгаудайте и автор настоящей работы. Экспедиция состоялась при поддержке гранта Фонда фундаментальных лингвистических исследований (руководитель проекта — М.Л. Кисилиер).

В-третьих, существенно и то, благодаря чему один из жителей деревни признавался экспертом в области грико: решающим фактором было не то, что он *говорил* лучше всех на этом языке, но потому что он мог *писать* на нем поэтические тексты.

Наконец, в процессе наблюдения можно было отметить некоторую отрепетированность того, что происходило: казалось, что все ее участники действуют по уже ставшей привычной схеме: есть определенные члены сообщества, которые “отвечают” за коммуникацию с приезжими, интересующимися грико (будь то журналисты, туристы или ученые); и определенный тип коммуникации, который соблюдается из раза в раз (декламация авторских стихов).

Таким образом, этот случай позволяет предположить, что сочинение и публичная декламация стихов являются важной частью современного функционирования языка. И действительно: спустя два года я вернулась в Саленто, в этот раз для того, чтобы целенаправленно поговорить с авторами текстов о процессе их творчества, и, узнав о моих поисках людей, которые пишут стихи на грико, активист и культурный деятель из Стернатии Джильо Пеллегрини сказал следующее: “Ты ищешь поэтов? Да здесь все поэты!” Далее я постараюсь ответить на вопрос, почему в Саленто “все — поэты” и каким образом это устроено.

Статья организована следующим образом: сначала следует краткое описание социолингвистической ситуации в Саленто и регистров использования грико, затем анализ того, какое место занимают в использовании языка литературные тексты. Далее представлены некоторые результаты интервью с салентийскими поэтами, проведенные автором статьи с целью выяснить, кто и зачем пишет художественные тексты на этом языке. В заключение предпринимается попытка проанализировать, как авторы представляют свои тексты аудитории, не знающей грико и какие элементы интра- и интертекстового многоязычия присутствуют в текстах.

2. Социолингвистическая ситуация в Саленто

Территория, на которой сейчас можно найти носителей языка грико, очень мала: она включает в себя буквально 5–6 деревень². При этом уве-

ренные носители языка — это почти исключительно люди старшего поколения (приблизительно 1930–40 гг.р.), да и те, как можно было увидеть в приведенном выше примере, не используют грико в качестве основного языка повседневной речи.

К “переломному поколению” (хотя на самом деле возрастные рамки здесь несколько шире одного поколения) можно отнести местных жителей 1950–70-х годов рождения. Они, как правило, слышали грико в детстве и обладают определенным (неодинаковым) уровнем пассивного владения языком, но способность производить тексты почти у всех крайне низка. Некоторые из них, уже будучи взрослыми, заинтересовались грико и повышали этот уровень владения разными способами: консультировались со старшими родственниками, читали учебные пособия, посещали курсы языка, которые организовывали время от времени местные активисты. Представители следующего поколения (1980–90-е гг.р.) уже, за редчайшими исключениями, не обладают и пассивным знанием грико.

Произошедший в 1950–60-е годы разрыв языковой традиции — результат комплексного воздействия нескольких социальных процессов, происходивших в Саленто в начале–середине XX в. Это и резкое увеличение мобильности местных жителей, которое привело к усилению языковых контактов с итальянским населением; и изменение экономики региона (с “отмиранием” традиционных для региона видов производств, завязанных на сельское хозяйство, например, разорение табачных фабрик [1]); и “итальянизация” — репрессивная по отношению к диалектам и языковым меньшинствам политика Муссолини [2]. Кульминацией стал отъезд практически всего трудоспособного населения южной Италии на север страны в поисках работы в период так называемого “итальянского экономического чуда” (1950-е — начало 1970-х) [3, с. 88]; [4].

В течение всего этого времени грико (а точнее, незнание итальянского, но при этом билингвизм воспринимался как препятствие, которое мешает освоению государственного языка)³ ассоциировался у его носителей с отсутствием карьеры

² Это деревни Калимера, Стернатия, Кориляно д’Отранто, Мартано, Мартиньяно, Дзоллино в провинции Лечче региона Апулия, причем, в разных деревнях язык сохранился в разной степени, но полноценных количественных социолингвистических исследований, которые позволили бы сделать выводы о числе носителей языка, не проводилось.

³ Так, например, от моих респондентов 1930–40-х годов рождения я много раз слышала рассказы о том, как в школах учителя били учеников за случайно произнесенное греческое слово, и о том, какие трудности испытывали дети в первом классе, не умеющие говорить по-итальянски. Типологические сходные случаи, когда родители добровольно отказываются от передачи родного языка детям, чтобы им было легче учиться в школе, см. [5, с. 382].

и престижной работы⁴. Тем не менее, с началом обратной миграции, в 1970-е, начинается процесс переоценки языкового поведения носителей грико, а вслед за этим набирают ход усилия локального сообщества по ревитализации языка [6].

Здесь тоже можно обозначить несколько социальных факторов, которые повлияли на эти процессы. Во-первых, несколько стабилизировавшееся финансовое положение жителей юга, а вместе с ним — и тоска по дому, которые позволили обратной миграции произойти (см., например, [7, с. 103]). Во-вторых, антиглобалистские тенденции на юге Италии, которые привели к пересмотру местными жителями значения локальной культуры и диалектов (см., например, [8]). Так, в этот период начинает набирать популярность фольклорная музыка, которая автоматически является диалектной. Кроме того, диалекты используются музыкальными группами, работающих в самых разных жанрах⁵.

Кроме того, в последней четверти XX в. происходит еще один важный поворот в структуре экономики региона — теперь уже постиндустриальный. Саленто становится важным туристическим направлением [9, с. 75], и не только благодаря дешевизне земельных участков и длине морского побережья. Южноитальянская фольклорная музыка (“пиццака”, “тарантелла”) набирает популярность по всей стране и за ее пределами, и именно здесь начиная с 1998 г. проводится самый крупный фестиваль — “La Notte della Taranta”, — который привлекает сотни тысяч туристов каждое лето⁶. Несмотря на то, что, по свидетельствам местных жителей, не существовало традиционных тарантелл, исполнявшихся на грико, фестиваль проходит в деревнях, где говорят на грико или говорили на нем в XIX в. — таким образом, повышая внимание туристов и к этому аспекту локальной культуры.

⁴Так, например, мои респонденты многократно использовали наименования грико с пейоративным оттенком — “язык-бастард” (*lingua bastarda*), “бедный язык” (*povera lingua*).

⁵Об использовании локальных диалектов итальянскими рэп- и рэгги-музыкантами в качестве “языка сопротивления” (*resistance vernacular*), в противопоставлении их языку литературному и государственному, см. [11, с. 194–222]. Первые группы, которые исполняли салентийскую фольклорную музыку, в том числе, на грико, появились в этот же период, с конца 1960-х — начала 1970-х [6, с. 73–82].

⁶<http://www.nottedellataranta.it/>. Библиография, посвященная ревитализации фольклорной музыки на юге Италии (*neotarantismo*) и реконструкции обрядов, связанных с этой музыкой, очень обширна. Вот одно из последних исследований [12], содержащее, в том числе, обзор предыдущих работ на эту тему.

Грико начинает восприниматься как дополнительное средство привлечения внимания приезжих и как значимый объект локального культурного наследия, который, наряду с античными и византийскими архитектурными памятниками, демонстрирует связь региона с греческим миром. Особенно это важно в связи с тем, что Саленто становится популярным направлением отдыха у туристов из Греции, которые больше других заинтересованы в том, чтобы услышать, как звучит местный греческий диалект [10, с. 21].

Таким образом, появляется запрос “внешней аудитории”, заинтересованной в грико: он оказывается “продаваемым продуктом”. При этом, услышать его в повседневной речи, на улицах, уже и в 1970-е годы было довольно сложно, в силу плохой сохранности языка. Поэтому в последней трети XX в. в регионе происходят два параллельных процесса. Во-первых, смещение грико из аудиальной в визуальную сферу (отдельные слова активно используются в названиях марок вина, блюд в ресторанах, на вывесках гостиниц и магазинов, на уличных указателях и т.д.). Во-вторых, “профессионализация” роли “носителя грико” и вытеснение спонтанной речи заранее подготовленными перформансами.

Примером такого перформанса можно считать описанную мной во вступительной главе ситуацию. Здесь знание о том, кому следует доверить демонстрацию текстов на грико, носит неформальный характер, однако в других случаях эта роль оказывается более “институционализированной”, поскольку работники местных культурных центров, проводящие мероприятия для туристов, договариваются с определенными местными жителями на более или менее регулярной основе о том, что те придут на встречу с приехавшей группой и в качестве примера звучания грико прочитают свои или чужие стихи или что-то споют.

Таким образом, спонтанная речь замещается придуманным, записанным, выученным наизусть и отрепетированным текстом. Переход грико от преимущественно устного использования к преимущественно письменному (или к своего рода *вторично устному*, как в случае с декламацией поэзии)⁷ — одна из важных черт процесса

⁷При этом необходимо понимать, что авторы, которые пишут сегодня на грико, в большинстве случаев начали делать это недавно. Для них настолько непривычно и само это занятие — писать, — и тем более писать на грико, который не использовался ими в письменной речи, не имеет устоявшейся орфографии и т.д. (подробнее см. [14, с. 148–149]), что после этого им часто самим бывает трудно читать собственные тексты.

ревитализации грико, о чем будет подробнее сказано в следующей главе.

Во время полевой работы в Италии и не только мне приходилось слышать о подобных процессах в связи с другими языками. Стремление создать и записать как можно больше текстов на “умирающем” языке или же всплеск творчества в иной кризисный для языка и для локальной языковой политики период – характерная черта многих миноритарных литератур (см., например, [13, с. 30]). Однако развернутого анализа того, как именно происходит создание текстов в такой ситуации, мне не встречалось. Кроме того, случай грико интересен тем, что тексты создаются и после того, как язык перестает быть основным языком общения; “литературно-перформативное” использование фактически становится единственной и основной его функцией.

Процесс ревитализации языка комплексно проанализирован в исследованиях Мануэлы Пеллегрини, уроженки Саленто и одного из активистов, борющихся за сохранение грико, которая в 2014 г. защитила диссертацию под названием «*Dying language or “living monument”? Language ideologies, practices and policies in the case of griko*». Для описания статуса и сферы употребления грико она использует такие термины как “heritage language” и “post-linguistic vernacular”, подразумевая, что грико в данный момент и в течение нескольких последних десятилетий больше не используется как язык повседневного общения, при этом основной его функцией, приобретенной в процессе ревитализации, становится “демонстрационная” (performative) [10]; [13].

Наблюдения и выводы Пеллегрини во многом сходны с моими, в каких-то случаях и наши респонденты – это одни и те же люди. Поэтому я, не вдаваясь подробно во все аспекты процесса ревитализации языка (которые могли бы включать использование грико в экономике региона, лингвистические дебаты, роль локальных активистов и их взаимоотношения с государственными и международными организациями, а также образовательные инициативы и примеры использования грико в СМИ), ограничусь лишь одной сферой: формами и функционированием литературных текстов авторов, пишущих на грико. Для этого необходимо подробнее описать историю и особенности письменности на грико.

3. Письменные тексты на грико

Грамматическую и лексическую основу грико составляет греческий язык переселенцев

с территории Византийской империи в конце I тыс.н.э., претерпевший различные изменения под влиянием окружающих южноитальянских диалектов (подробнее о дискуссии на тему происхождения языка см. в [10, с. 520–523]; об интерференции между локальным диалектом итальянского языка и грико см. [15]).

Вскоре после падения Константинополя контакты с Византией прервались, а местные церкви и монастыри, подчинявшиеся Константинополю, к XVI–XVII вв. были переведены в подчинение римско-католической церкви [16]. Это привело к тому, что людей, способных читать и писать по-гречески, довольно быстро не осталось, и вплоть до середины XIX века греческий язык в Саленто существовал почти исключительно в устном виде.

Во второй половине XIX века были опубликованы первые коллекции фольклорных текстов, собранные итальянскими и иностранными лингвистами [17]; [18]. Начиная с этого времени тексты на грико записывались латиницей. На рубеже XIX–XX вв. были попытки сделать грико литературным языком. В основном это происходило в результате индивидуальных усилий отдельных лиц. Так, например, наибольший вклад внес Вито Доменико Палюмбо, ученый и поэт из д. Калимера, друг “отца греческой фольклористики” Николаса Политиса. Палюмбо не только собрал наиболее крупную коллекцию фольклорных песен, сказок и паремий на грико [19]; [20], но и сам написал некоторое количество стихов [21].

Другим примером можно считать священника Мауро Кассони: не будучи местным уроженцем, он был настолько захвачен идеей сохранения языка, что выучил его и пытался использовать во время исповедей и в повседневном общении с прихожанами, а также написал целую книгу с переводами католических молитв на грико [22]. Иными словами, в начале и в середине XX в. находились отдельные люди, озабоченные судьбой исчезающего языка, однако только в последние полвека это приняло более или менее массовый характер. Соответственно, подавляющее число существующих текстов на грико написано в последние 50 лет.

Большая часть из них (не считая дидактических пособий, которые тоже появляются, в основном, в это время, и нескольких периодических изданий, издававшихся с разной степенью регулярности) – художественные тексты, почти исключительно поэтические. Литературные компетенции авторов и качество самих текстов довольно сильно различаются, но я не буду обсуждать это здесь специально – тексты являются предметом

моего интереса в той мере, в которой они отражают стремление их авторов “написать что-нибудь на грико”.

Среди авторов можно найти представителей “старшего” (1930–40 гг.р.) и переходного (1950–70 гг.р.) поколений, причем, первых – абсолютное большинство. Так, например, из проинтервьюированных мною порядка 30 человек лишь шестеро относятся ко второй группе – и мне ничего неизвестно о существовании других авторов этой возрастной категории, что в таком небольшом сообществе, как изучаемое мной, фактически, означает, что их нет. При этом “старших” из числа тех, с кем я не успела поговорить, намного больше (так, например, в сборник, изданный Джильо Пеллегрини в д. Стернатия, входят тексты 16 авторов, пишущих на грико [23], из которых мною проинтервьюированы только трое. В другой коллективный сборник, изданный активистом из д. Корильяно д’Отранто Антонио Анкора, вошли работы 18 авторов [24]).

Люди младшего возраста (1980–90 гг.р.) заинтересованные в сохранении грико, тоже есть, однако, как правило, они выбирают другие способы деятельности: академические исследования, преподавание языка, музейную или концертную деятельность. Последнее включает в себя исполнение песен на грико (чаще всего фольклорных), но не создание собственных текстов.

То, что среди авторов текстов на грико преобладают пожилые, связано не только с тем, что большее их количество знает язык (хотя в среднем это так и есть), но и с определенными социальными факторами. Попробуем проследить на следующем примере, какова роль сообщества и отдельных локальных активистов в том, что появляется множество текстов на грико. Джильо Пеллегрини, один из членов культурной ассоциации *Choga-Ma* в д. Стернатия⁸, в течение нескольких лет выступал посредником между местными властями, предоставившими ему площадку для проведения публичных чтений на грико, и авторами, которых он подбадривал

⁸ Название ассоциации переводится как “Наша земля” или “наша деревня”. Кроме того, *Choga* – традиционное неофициальное название деревни Стернатия, в которой и находится ассоциация. Здесь можно проследить сходство в использовании этого слова в Саленто (Стернатия расположена приблизительно в центре территории Салентийской Греции) и в современной Греции (гр. χώρα), где так называют центральное или самое крупное поселение какой-либо местности, чаще всего на островах.

и уговаривал писать стихи и выступать, а затем собрал эти стихи и издал в виде книги. Вот как он рассказывает об этом опыте:

“День пожилых” начали праздновать в 1995 г., знаешь, как все эти праздники, стакан вина, закуска... Потом, в 1997, организатор (...) пригласил меня, и я ему сказал буквально следующее: “Я не умею петь, не умею играть, я занимаюсь поэзией. Так что если я участвую, то нужно дать какое-то время на поэтическую часть”. Он мне ответил: “Делай, что хочешь”. (...) И в следующем году я написал всем на приглашении: “Напиши что-нибудь на грико. И если ты не хочешь читать вслух, то я сам прочитаю во время праздника”. Так это заработало. Появились люди, которые, может быть, (...) и не имели поэтического таланта, но что-нибудь да написали. Я эти стихи брал, иногда корректировал, исправлял, и потом их зачитывали на праздники. Мне давали полчаса на стихи. И шло хорошо, потому что в тот период в Стернатии было довольно много людей, которые понимали и говорили на грико (...). Я занимался этим праздником уже 15 лет, все время вплоть до прошлого года, но начиная с этого года я не знаю, как быть. Становится все меньше как поэтов, так и участников, которые понимают грико, поэты все время те же самые 2–3 человека. И все это приходит в упадок⁹.

Из этого описания можно заметить, что сочинение и декламация стихов становится своего рода акционизмом, направленным на сохранение грико. Это публичное действие, для которого необходимо наличие не только выступающего поэта, но и слушателей, способных его понимать. Именно поэтому в последние годы, когда наиболее пожилые жители деревни уходят из жизни и таких слушателей становится все меньше, подобные праздники уже не очень удаются.

⁹ “La festa degli anziani” iniziata [nell] [19]95, sai, le solite feste, bicchiere di vino, panino... (...) Poi il presidente che lo gestiva, (...), nel [19]97 (...) è venuto a invitarmi, io gli ho detto testualmente: “Io non so cantare, non so suonare, io di poesie tratto. Quindi, se devo entrare io nella festa, devo riservarmi uno spazio per le poesie”. E lui mi ha detto: “Tu fai quello che vuoi”. Quindi, fiducia completa a quello che potevo fare io. E abbiamo iniziato, che la gente seduta ci diceva qualche filastrocca popolare e noi le scrivevamo sulla lavagna, pero non andava bene, si perdeva molto tempo. Allora l’anno dopo ho detto a tutti, sul invito che facevamo per farle venire, dicevamo: “Scrivi qualcosa in griko, e se tu non vuoi leggerlo lo leggo io nel durante la serata”. E così comincio a funzionare. E uscite fuori tutte quelle persone (...) che non hanno la virtù della poesia però qualcosa lo scrivevano. Io, magari, le prendevo, quelle poesie, le correggevo, le sistemavo, e poi si dava a lettura durante la festa. Quindi mi era riservata una mezzoretta per le poesie. E la cosa andava bene, perché in quel periodi la popolazione di Sernatia che capiva e che parlava in greko era abbastanza numerosa (...). Io quella festa da 15 anni la faccio fino all’anno scorso l’ho fatta sempre io, adesso, da quest’anno non lo so. Ma già c’è una flessione come poeti e come partecipanti alla festa, che capiscono il greco, diminuiscono, e quindi i poeti se non sempre gli stessi, leggono 2–3 poesie. E andata scemando la cosa. Giglio Pellegrino, 16.04.2014.

Из этого примера мы также видим, что большинство авторов не занимались литературой в течение своей жизни, у них нет писательского опыта, а писать стихи они начали, побуждаемые активистами-организаторами и подбавляемые интересом и положительной реакцией публики. И действительно, во время интервью на вопрос

Èchome ‘nan òrio Sindaco sin Chòra
Ca sa cuntòrni cundu cino enn e’i tinò;
Òrio azze muso òrio azze persona,
Òrio ci so milisi katharò.

Attepornà taràssamo oli antama,
Na mas kami ‘ttin òria passeggiata,
Ce motte stazi o kalòs cerò,
Isperòme ka mas kanni addhìn mian scampagnata.

Imì pracalume tin Madonna ce to Christò,
N’on kanonìsone panta icì pu pai,
Ce cherùmeto na pai a pu ‘mbrò cce ambrò,
N’on agapisi passis christianò.

Отрывок из стихотворения Уччи (Кармелы) де Сантис “Мэр Ман Эра” (“Sindaco Manera”), [26, с. 46–48]. Перевод с грико здесь и далее – автора статьи.

Некоторые авторы писали и до того, как публичные чтения стали популярны, но редко и “в стол”, а с возрастанием общественного интереса начали писать значительно чаще:

“Вот и Винченцо Реале, один из самых пожилых, ему около 90 лет, он тоже начал писать еще в молодости. Сейчас он пишет чаще, потому что видит, что его стихи читают”¹⁰.

Chorèddhamu pu panta s’eo me ‘mena
occe an ja to zisi ipao makrassu,
ora ‘en ei na s’eo allimonimmena;
ime makrà atse ‘sena ma kondassu.

Ston nummu se kratèo me tus dikummu,
me t’aspra litarà, me to’ levito,
mo kampanàrissu, mu’ singhenummu,
me tin avlimmu ce mo’ pergulito.

Отрывок из стихотворения Чезаре де Сантиса “Стернатия, деревенька моя” (“Sternatia, chorèddhamu”), [27, с. 78–49].

¹⁰Anche Vincenzo Reale, e uno dei più anziani, avrà 90 anni, anche lui scriveva dal giovane. Adesso scrive un pò di più perché vedeva le sue poesie leggere. Gigliio Pellegrino, 16.04.2014.

о том, когда они впервые начали писать на грико, многие авторы называли даты в пределах последних 15–20 лет.

Значительная часть стихотворений написана “по случаю”: например, к определенному празднику, во время которого предполагалось публичное чтение стихов, или даже к местным выборам:

Есть у нас один славный мэр в деревне
[Стернатия – *Е.Л.*]
Такого, как он, больше нет в округе,
Хорош лицом и человек хороший,
Хорошо и ясно говорит.

Сегодня утром мы все отправились
На эту славную прогулку,
И когда наступит удачный момент [букв.:
“хорошая погода” – *Е.Л.*],
Надеемся, что он угостит нас шампанским.

Мы молимся Мадонне и Христу,
Чтобы они сопровождали его везде, куда бы он
ни пошел,
И чтобы шел он вперед радостно,
И чтобы все люди его любили.

Сами стихи, если не написаны на актуальные темы, то, как правило, автобиографичны, в них авторы ностальгируют об ушедшей юности признаются в любви к своей земле, которую вынуждены оставить, эмигрируя ради работы, и к своему родному языку, который слышен все реже:

Моя деревенька, которая всегда со мной,
Даже если я уезжаю жить далеко.
Не было ни часу, чтобы я тебя не вспоминал,
Я далеко от тебя, но близок к тебе.

В моем уме я храню тебя вместе с моим народом,
С красными камнями, с оливковыми рощами,
С твоей колокольней, с моей родней,
С моим двором, который я потерял. (...)

Другие авторы занимались литературным творчеством (или музыкальным, сочиняя тексты песен и музыку к ним) давно, однако писали при этом на итальянском языке, а обратились к грико в последние 15–20 лет. Дальше я проанализирую мотивы, которые побудили их к этому.

4. Литература как активизм

На вопрос о том, почему они решили писать тексты на грико, почти все мои респонденты отвечали в ностальгическо-дидактическом ключе: чтобы зафиксировать исчезающий язык и не дать ему пропасть окончательно. Эту деятельность некоторые воспринимают как довольно интимное занятие, способствующее сохранению воспоминаний о личной и семейной истории для их детей:

[Вы начали писать около десяти лет назад? Или еще раньше?] Примерно десять лет назад, когда умер и мой отец тоже [мать респондентки скончалась до этого — *Е.Л.*]. В тот момент мне показалось важным сохранить что-то семейное, о чем я больше не могла ни с кем поговорить. И я решила сохранить это таким образом¹¹:

Другие считают ее публичной активистской работой, имеющей значение для всего сообщества:

Я носитель грико, вся моя семья говорила на грико, и я чувствовал бы себя виноватым, если бы не содействовал сохранению грико. И вот, с 1996 года... Нет, даже раньше, я как-то боролся за “этот грико, этот грико”, знаешь, а потом один человек, который не знал грико, мне не поверил и говорит: “Ну тогда ты сам напиши что-нибудь, и посмотрим”. И так я начал писать¹².

Эта реплика, “сам напиши”, очень важна, поскольку она показывает место литературного творчества в процессе сохранения и ревитализации языка. Написание стихов на грико становится популярным и поощряемым в сообществе способом активистской деятельности, направленной на сохранение языка, благодаря чему поэтическим творчеством начинают заниматься люди, изначально к этому не очень склонные.

¹¹ [Allora ha cominciato di scrivere una decina di anni fa? O anche prima?] Più o meno una decina, quando ho perso anche il mio padre. Allora mi sembrava più importante di tenere qualcosa di familiare che ormai non potevo più parlarlo con nessuno. Allora ho deciso di tenerlo così. Anna Maria Tundo, 26.03.2014.

¹²Io [sono] il madrelingua del griko, tutta la famiglia parlava in griko, io mi sentivo in colpa se non davo la mano al griko, per salvaguardare il griko. E quindi, dal 1996... Anzi, prima lo combattevo un po' “sto griko, sto griko”, sai, poi per una sfida col uno che non sapeva il griko, e lui mi sfida e dice: “E allora, scrivi tu qualcosa, vediamo”. E io mi iniziai a scrivere. Giglio Pellegrino, 16.04.2014.

Также из этого диалога становится понятно, что ценностью в глазах членов сообщества обладает практическая работа, т.е. создание собственных текстов на грико, а не теоретические размышления на эту тему или изучение чужих. Во время полевой работы в Саленто я не раз сталкивалась с точкой зрения о том, что на грико в принципе существует не очень много текстов, поэтому сочинять новые — это правильный способ поддержания жизнеспособности языка.

Кроме того, тексты, которые звучат наиболее часто в публичном пространстве — это определенный (и не очень большой, в пределах десятка)¹³ набор фольклорных и авторских песен, известных за пределами Саленто и исполняемых даже теми, кто совсем не знает языка. Соответственно, авторы, говоря о необходимости поддерживать жизнеспособность грико, часто имеют в виду, что нужно не просто создать еще один новый текст, но нечто принципиально отличающееся от уже существующих текстов, довольно однообразных по жанру, по охвату тем и др.:

Уже в 1972 г. мне надоели одни и те же песни, которые я сам собирал в домах стариков и записывал в кабаках. И я постарался актуализировать грико, свернуть на социальные темы [в собственных стихах — *Е.Л.*]¹⁴.

Стремление “актуализировать” язык не случайно и отражает распространенную среди местных жителей идею о том, что на грико удобно описывать прошлое, поскольку он веками использовался преимущественно для описания крестьянской повседневной жизни и содержит соответствующую лексику. О современной жизни на нем писать трудно: не хватает как слов для описания предметов, появившихся недавно (телефоны, машины и т.д.), так и для передачи абстрактных и чувственных понятий. Поэтому, рассуждая о необходимости выработать “новый язык”, некоторые авторы имеют в виду именно описания современности:

¹³Среди самых известных можно назвать следующие: “Kalinifta”, “Klama”, “Aremu rondinedhha” — все три песни авторские, однако фольклоризировавшиеся до некоторой степени и исполняемые почти на любом публичном мероприятии, посвященном локальной культуре. Другой пример такого часто исполняемого произведения — “Passiuna tù Kristù”, единственный широко известный ритуальный фольклорный нарратив (cantastoria) этих мест. Он существует в нескольких версиях, и его неоднократно исполняют каждый год в период Страстной недели.

¹⁴già nel [19]72 ero stufo ormai delle solite canzoni che io stesso andai a raccogliere nelle case degli anziani, nelle osterie, ho registrato. E ho cercato di attualizzare un po quel griko, di scendere un po' nel sociale), Franco Corliano, 16.04.2014.

Очень важно использовать язык по-своему. Так, например, многие при помощи этого языка рассказывают прошлое, и это правильно, потому что мы не можем обойтись без прошлого. Но для того, чтобы язык жил, нужно его менять, формировать, применять под себя. Иначе язык умирает (...) Язык живет, только если ты [с ним] экспериментируешь¹⁵.

Про “эксперименты” с языком, позволяющие описывать новые явления, будет более подробно рассказано в следующем параграфе. Здесь отмечу лишь то, что для всех авторов, проинтервьюированных мной, выбор грико в качестве языка, на котором они пишут тексты – это осознанная позиция, поскольку грико:

а) предоставляет им меньше возможностей по сравнению с итальянским языком. Соответственно, человек, решивший писать на грико, сознательно ставит себя в ситуацию, в которой он вынужден преодолевать сложности, вызванные ограниченностью лексического запаса, синтаксических конструкций и т.д.;

б) осознается респондентами как “исчезающий” и нуждающийся в охране, хотя, в то же время, именно благодаря этому грико иногда предоставляет определенные социальные выгоды авторам. Например, Рокко де Сантис, довольно известный на локальном уровне музыкант, объясняет, как ему помог тот факт, что он исполняет песни на грико:

Я выражаюсь, [т.е.] пишу музыку, в основном, на грико, и должен сказать, что с музыкальной точки зрения я многое должен этому языку... Грико, будучи уникальной вещью, дал мне возможность... Я написал и много песен на итальянском, но сколько их в Италии, тех, что пишут на итальянском? Я был бы как “душ в океане”. А грико дал мне возможность стать одним из немногих. Это помогло мне завести знакомства с людьми, с музыкантами, делать новые музыкальные проекты...¹⁶;

¹⁵È molto importante avere l'uso personale della lingua. Per esempio, molte persone raccontano il passato con questa lingua, e va bene, perché non possiamo mettere aparte il passato. Però per far vivere la lingua la devi modellare, la devi cambiare, devi renderla tua. Altrimenti la lingua muore (...) la lingua vive se tu fai le sperimentazioni. Lino (Apollonio) Tommasi, 02.05.2014.

¹⁶Io mi esprimo, faccio musica, soprattutto in griko, e devo dire che dal punto di vista musicale devo molto a questa lingua perché... Il griko mi ha dato la possibilità, essendo una cosa singolare... Io ho scritto anche moltissime canzoni in italiano, però – quanti in Italia ci sono quelli ce scrivono in italiano? Sarei una doccia nel oceano. Invece il griko mi ha dato la possibilità di essere uno dei pochi. Questo mi ha aiutato a uscire fuori, conoscere gente, conoscere musicisti, fare la nuove esperienze musicali... Rocco de Santis, 17.04.2014

в) почти не используется в повседневной жизни и требует определенного (часто – иронического) контекста:

“Родители иногда разговаривают [на грико]. Не все время, но они его хорошо знают. Иногда и я пошучу о чем-нибудь на грико, и они мне отвечают. [Грико] становится, фактически, шуточным, игровым языком. Обычно мы говорим по-итальянски, но иногда нам хочется вспомнить, что мы другой народ, что мы языковое меньшинство...¹⁷.

То, что грико – исчезающий язык, который не используется в повседневной речи, логичным образом должно означать, что людей, понимающих этот язык, не так уж и много. Соответственно, автор, пишущий на грико ради его сохранения, вынужден учитывать это обстоятельство, обдумывая и сам текст, и способ его презентации перед потенциальной аудиторией. Как я покажу в следующей главе, основной стратегией при этом является мультязыковое письмо (*multilingual writing*), т.е. сочетание грико и итальянского внутри одного текста.

5. Мультязыковое письмо

Само по себе сочетание нескольких языков в одном произведении не является новым приемом: еще в античности диалектная речь персонажей комедий или слова-гибриды в макаронической поэзии служили для создания комического эффекта. Тем не менее, в мигрантской и транснациональной литературе последних десятилетий появились новые формы использования многоязычия, что, в свою очередь, стало предметом изучения исследователей¹⁸.

Случай, рассматриваемый мной, представляется мне интересным по следующим причинам:

¹⁷I miei genitori ogni tanto parlano in griko. Non tutto il tempo, ma lo conoscono bene. Oppure io faccio un scherzo in griko, e mi rispondono. Diventa, praticamente, la lingua che si usa per scherzare, per giocare. Di solito parliamo in italiano, ma ogni tanto ci viene voglia di ricordare che siamo un altro popolo, che siamo la minoranza linguistica... Francesco Giannachi, 23.04.2014.

¹⁸Видимо, не случайно многие из них посвящены именно итальянской литературе. Часть из них анализирует творчество итало-канадских, итало-американских и т.д. писателей (например, [26], см. там же библиографию) и обусловлена большим количеством итальянских мигрантов в англоязычных странах. Другая часть исследований описывает многоязычную литературу в самой Италии с ее развитой системой диалектов и изначально “полифонической” ситуацией [13]; [27]; [28]; [29]; [30]. Тем не менее, ощущается недостаток литературы, посвященной именно языковым меньшинствам, а не диалектам итальянского языка.

мы имеем возможность “зафиксировать” процесс литературного творчества в ситуации, когда уровень знания одного из используемых языков в обществе драматически меняется с каждым годом, уровень владения языком самих авторов значительно различается между собой, а возможные способы использования текстов включают в себя демонстрацию свойств этого языка, его сохранение и обучение ему. Таким образом, социолингвистическая ситуация определяет возможности как использования грико, так и восприятия его аудиторией.

Мне кажется важным разделить два случая:

а) итоговый текст, сочетающий несколько языков (в данном случае — грико и итальянский, в его литературной или, реже, диалектной форме), рассчитан на аудиторию, которая знает грико, пусть и не слишком хорошо, или, как надеется автор, захочет выучить этот язык в будущем. В этом случае итальянский текст играет роль подсказки, вспомогательного материала, который облегчает понимание текста на грико;

б) итоговый текст рассчитан на аудиторию, которая не понимает грико, но интересуется тем, как звучит этот язык и/или как выглядят тексты на нем. В этом случае текст на грико почти полностью теряет свою информативную функцию, становясь иллюстрацией к содержанию, выраженному по-итальянски.

При этом следует оговорить, что под *единым текстом* я понимаю и такие случаи, когда законченное произведение (например, стихотворение) на грико сопровождается его переводом на итальянский. Объединить мне их позволяет тот факт, что перевод — и сопровождение переводом оригинала — воспринимается и авторами, и аудиторией как обязательная часть процесса. Переводом собственных текстов, для публикации или “на всякий случай”, занимаются практически все мои респонденты. Многие авторы признавались, что принимались за него сразу же после того, как заканчивали писать стихотворение:

[А кто сделал переводы к вашим стихотворениям?] Их сделала я. [Сразу же, как написали? Или потом?] Да, сделала сразу же. [Т.е. вы написали на грико и сразу же перевели?] Да. Чтобы, если случится так, что эта тетрадка попадет в руки моим детям, то они хоть поняли бы, что я написала¹⁹.

¹⁹[E chi ha fatto questi traduzioni?] No, traduzioni ho fatto io. [Subito? O dopo?] Si. No, subito l'ho fatta. [Allora, ha scritto in griko e subito..?] E tradotto, si. In modo che capitasse questo quadernino nelle mani dei figlioli e per lo meno capissero... cosa io avevo scritto. Anna Maria Tundo, 26.03.2014.

Таким образом, получается, что эти два текста, оригинал и перевод, фактически, образуют единое целое. При декламации я точно так же многократно наблюдала, как авторы, которых я просила прочесть что-то на грико, сразу же после этого принимались читать и перевод этого стихотворения, часто даже не спрашивая, поняла ли я оригинал. Фактически, этот процесс, состоящий из двух частей, стал традиционным способом представления, перформансом, правила которого являются предметом коллективного знания²⁰.

Как правило, итальянский перевод — дословный, его цель — облегчить понимание текста на грико, эстетической функции он не имеет. В единичных случаях, тем не менее, перед ним ставятся более сложные задачи, а именно — заинтересовать читателя, не знающего грико, и привести его к чтению текста на этом языке. Так, Сальваторе Томмази объясняет, что в своей книге поэтических текстов на грико [31] он предпочел сделать художественные переводы на итальянский, поскольку они более эстетичны, чем дословные, и следовательно, лучше смогут выполнить “завлекающую” роль:

Итальянский текст, если он покажется тебе красивым, должен подталкивать тебя к тексту на грико, в том смысле, чтобы ты захотел выучить грико²¹.

Итальянский текст автор воспринимает как своего рода помощь в пути, и, видимо, поскольку эта помощь считалась наиболее необходимой в начале пути, особенное внимание было уделено первому стихотворению сборника:

Вступление к книге, которую я сейчас собираюсь издать, я сделал в стихотворном виде, но только на диалекте [итальянского языка], не на грико, потому что так будет более... “читабельно”, более понятно для жителей Стернатии. На грико, кроме прочего, труднее читать, потому что у нас нет традиции ни письма, ни чтения²², и поэтому обычным людям трудно читать [на нем]. Большинству людей. Так что я решил написать

²⁰Интересно, что в случае, когда некий текст на грико демонстрируется таким образом аудитории, говорящей по-новогречески, перевода не предполагается. При этом греческие туристы и гости на салентийских фестивалях, не имеющие специальной лингвистической подготовки или определенного опыта общения с жителями Саленто, не понимают этот диалект, чему я неоднократно становилась свидетелем.

²¹Il testo italiano, se ti sembra bello, deve spingerti al testo griko, nel senso di voler imparare il griko. Salvatore Tommasi, 06.08.2016.

²²Это действительно так: поскольку грико практически никогда и никем, вплоть до последних десятилетий, не использовался в качестве письменного языка, то во время полевой работы мне часто приходилось наблюдать, как авторы с трудом читают ранее написанные ими же стихи.

на диалекте²³, что будет доступнее для всех жителей Стернатии²⁴.

В другом случае сознательное смешение языков происходит в рамках одного стихотворения, однако и здесь “вспомогательное” итальянское слово автор вставляет в начало текста, в первую строку, для того, чтобы привлечь потенциальных слушателей и сделать все стихотворение в целом понятнее для них:

Соб.: Вы используете слова “*imaste anziani se pensionati*” – “мы старики и пенсионеры”. Разве нет слова “старика” на грико?

Респ.: “*Palei*”.

Соб.: Ну да. А почему вы решили вставить “*anziani*”, а не “*palei*”?

Респ.: Я смешала, чтобы люди, которые придут, лучше понимали. Потому что, если ты говоришь “*palei*”, что значит “старика”, не все это поймут, т.к. есть и такие старики, которые вообще не говорят на грико²⁵.

Случаи, когда небольшой диалектный фрагмент вставлен в текст на литературном языке, и имеет иллюстративную функцию, уже описаны в исследованиях, посвященных мультиязыковому письму. Такие фрагменты часто передают прямую речь персонажа, таким образом, с одной стороны, придавая тексту достоверности, а с другой, передавая местный колорит, т.е. усиливая экзотический антураж и самого текста, и объекта описания [32]. В рассматриваемых мной текстах такой способ тоже использовался неоднократно.

При этом важно подчеркнуть, что в данном случае прямая речь здесь используется не только для усиления достоверности происходящего, но и в качестве “музейно-консерваторской работы” по сохранению языка, поскольку уход из жизни поколения местных жителей, говорящих на грико, и фиксация их устной речи в письменных

текстах хронологически совпадают. Например, вот как объясняет следующая респондентка, почему в ее стихотворении, полностью написанном на итальянском языке, строка, передающая прямую речь матери автора, содержит текст на грико:

[А почему эта последняя строчка – на грико?] Потому что моя мама, я думала о том, что сказала бы моя мама в тот момент. Она бы точно сказала это на грико. [Потому что она вообще все время говорила на грико?] Она иногда говорила какие-то конкретные фразы. Не то чтобы они [родители – *Е.Л.*] все время разговаривали... Т.е. между собой мама и папа говорили на грико. К нам же обращались по-итальянски, на диалекте. Иногда, правда, говорили и на грико. Иногда чтобы мы не поняли... В общем, мне захотелось вспомнить ее таким образом. При помощи этих странных слов²⁶.

Степень экзотизации может различаться. В этом примере автор употребляет выражение “странные слова”, по всей видимости, оценивая их так с точки зрения собеседника или читателя, не знающего грико. Для самой респондентки грико является все же более или менее понятным языком – на нем говорили ее родители дома, в ее детстве. В следующем примере мы имеем дело с большей степенью экзотизации:

Второй CD называется “*Emb’apu cessu*”. Это было выражение, которое использовали старушки, сидящие летом возле дома в прохладе. Вечером усиливался ветер, холодало, и одна из старушек говорила другой: “Входи внутрь, зайди с внутренней стороны двери”. “*Emb’apu cessu*”. Это ужасно странная вещь, потому что как это – “зайди изнутри”? Она хотела сказать: “Зайди внутрь дома, подойди к двери и говори с нами, опершись на нее с внутренней стороны [верхняя часть двери в итальянских домах часто имеет форточку, которую можно открыть, не открывая всю дверь целиком – *Е.Л.*]. И этот странный звук, который я слышал, потом стал песней, в которой только пара строк – на грико²⁷.

²³Имеется в виду местный диалект итальянского языка.

²⁴La premessa di un libro che sto per fare l’ho costruita come poesia, solo in dialetto però, non in griko. In dialetto, perché più... è più leggibile, più soffruibile per le persone di Sternatia. Il griko diventa un pò difficile anche nella lettura. Poiché non abbiamo la tradizione né di scrittura né di lettura, e allora è difficoltoso leggere alle persone normali. La maggioranza delle persone. E allora ho preferito scrivere in dialetto, cosa è accessibile a tutte le persone di Sternatia. Giglio Pellegrino, 16.04.2014.

²⁵– Ecco. E ho visto che c’erano le parole “*imaste anziani se pensionati*”. “*Anziani*” non esiste in griko? – “*Palei*”.

– E perché avete deciso di mettere “*anziani*” e non “*palei*”?

– È un misto per capire meglio le persone che stanno presenti. Perché non tutti... se dici “*palei*”, di solito “*paleo*” vuol dire “vecchio”, pero non tutti, se dici “*paleo*”, la comprendono, perché ci sono anziani che non parlano il griko proprio. Antonietta Marti, 15.04.2014.

²⁶[E perché questa l’ultima riga è fatta in griko?] Così. Perché la mia mamma... Io pensavo come mia mamma avrebbe potuto dire in quell momento. Me l’avrebbe ditto sicuramente in griko [Perché lei parlava sempre in griko?] Lei lo diceva in griko alcune frasi diciamo più particolari. Non è che parlassero mai. Cioè, fra di loro, mamma e papà parlavano ancora in griko. A noi si rivolgevano in italiano, in dialetto. A volte però parlavano in griko. A volte per non farci capire. Però... A me è piaciuto, insomma ricordarla così. Con quelle paroline strane. Anna Maria Tundo, 26.03.2014.

²⁷E il secondo CD si chiama “*Emb’apu cessu*”. Era un modo di dire fra le vecchiette che erano sedute fuori al fresco d’estate, poi arrivava il vento, il freddo serale, e allora una vecchietta diceva all’altra mentre erano sedute: “Entra dentro, mettiti dalla parte di dentro della casa”, “*Emb’apu cessu*”. È un cosa stranissima, (...) – come fai a entrare da dentro? Voleva dire: “Entra dentro casa e affacciati per parlare con noi. Entra sulla porta”. E questo suono strano che sentivo è poi diventato una canzone, un brano che ha soltanto alcune righe in griko. Lino (Apollonio) Tommasi, 02.05.2014.

Во-первых, выражение “*Emb’apu cessu*” обозначает определенный элемент локальной культуры, повседневную практику, которая в принципе непонятна без специального объяснения. Во-вторых, называя всю эту фразу “*странным звуком*”, автор подчеркивает, что это непонятный и нерасчленяемый на слова звуковой поток. Кроме того, при помощи слова “звук” (*suono*) подчеркивается необычное значение этого выражения для уха италоговорящего человека.

И восприятие, и использование грико в качестве языка экзотического характерно именно для авторов, принадлежащих к “переходному поколению”. Для них он не является основным родным языком, кроме того, представители этого поколения выросли в иной культурной парадигме по сравнению со своими родителями: они больше путешествовали, лучше знакомы с иностранными языками и с явлениями других культур (так, например, американская музыка сыграла значимую роль в их культурном становлении, о чем я неоднократно слышала от самих авторов). Знакомство, пусть даже поверхностное, с разными культурами, позволяет им поместить грико в более широкий контекст и сравнивать его с другими языками.

При этом выбор языка перестает детерминировать содержание (в том смысле, что пишут необязательно на локальные темы), а на первый план выходят его особое звучание и ритм. Звучание может оцениваться как просто не похожее на итальянский, и потому необычное и красивое:

Скажем, например, “*To scotinò*” (“Темнота” – *Е.Л.*): я решила написать стихотворение, которое о голоде в мире, о проблемах, [о которых говорят] по телевизору, об этих вещах. Но я захотела написать его не по-итальянски, а прямо на грико, поскольку [грико] имеет другую мелодику, кажется более “сладким”, более красивым²⁸.

В других случаях экзотизм языка конкретизируется, а именно, подчеркивается его “восточный колорит”, который позволяет слушателям испытать новые неожиданные эмоции. Что касается ритма, то несколько авторов, сочинявших песни, рассказывали мне, как они обнаружили, независимо друг от друга, что на грико удобнее, чем на итальянском языке, писать тексты для музыки, в которой необходимы ритмичные концовки:

Я писал тексты на грико, так, в качестве шутки, и выходило забавно. Но подходили они хорошо, потому что на грико есть много слов с ударениями на последний слог, так что этот язык очень хорошо подходил²⁹.

Соответственно, ритмические и фонетические особенности языка приобретают отдельную, независимую от содержания ценность, благодаря тому, что именно они воздействуют на слушателя эмоционально.

6. Заключение. Строительство языка и динамика локальной идентичности

Как было показано выше, для части авторов и их слушателей именно особый, экзотический колорит “родного” языка становится особенно притягательным и интересным. Это наблюдение интересно в связи с изучением того, как меняется этноязыковая идентичность салентийских жителей в условиях переоценки взаимоотношений с “исторической родиной” и ее культурой.

Грико является не просто диалектом греческого языка, но диалектом более ранних эпох. О том, что именно это за эпоха – Античность или Средневековье, споры ведутся на протяжении последних ста лет [14], однако, в любом случае, в глазах как местных жителей, так и внешних наблюдателей именно грико оказывается тем элементом локальной культуры, который связывает Саленто с Древней Грецией и в целом с греческой цивилизацией.

Изучая литературную традицию текстов на определенном диалекте, мы можем говорить о том, насколько она стремится абстрагироваться и отдалиться от основной литературы официального языка, или, наоборот, приблизиться к ней. В случае с грико ситуация более сложная, чем с диалектами итальянского, поскольку он оказывается между двумя “большими” литературными традициями: романского и греческого мира.

Отдельные авторы переводили на грико произведения итальянской классики (например, “Божественной комедии”). В то же время были и попытки переводить или каким-то образом объединить в одном произведении – театральной постановке, музыкальном концерте – тексты на грико и фрагменты древнегреческих трагедий или

²⁸Diciamo, per esempio, che “*To scotinò*”, quello che [legge] di sentire non so, la fame del mondo, i problemi no, in televisione, su questo genere di cose, e allora, ho pensato di fare una poesia. Però non l’ho pensato in italiano, ho pensato di farla direttamente in griko, perché aveva una musicalità diversa, sembra ancora più dolce, più bella. Anna Maria Tundo, 26.03.2014.

²⁹Così, per gioco ci mettevo un testo in Griko, ed era anche molto comica la cosa. Però era azzeccata perché il Griko ha molte parole tronche, quindi si presta, è molto adattabile come lingua. Rocco de Santis, 17.04.2014.

произведений новогреческой литературы — например, стихотворения Кавафиса.

В локальных дискуссиях “о судьбах грико” и о том, каким образом наиболее эффективно поддерживать его жизнеспособность, стремление приблизиться к грекоязычному миру или, напротив, поставить четкую границу, также заметно. Эти дискуссии в Саленто ведутся довольно активно в последние десятилетия, и можно выделить по крайней мере три распространенные точки зрения, каждая из которых имеет своих сторонников.

Одна группа местных жителей приветствует усиленную языковую интерференцию с новогреческим, которая возникает в результате коммуникации местных жителей — носителей грико — с туристами из Греции (а также благодаря тому, что в некоторых деревнях в разное время велись курсы новогреческого языка для взрослых). Другая группа, соглашаясь с представителями первой в вопросе о необходимости неологизмов, поскольку это позволило бы преодолеть “лексическую бедность” грико, призывает образовывать их путем заимствований из итальянских диалектов, мотивируя это тем, что носители грико так поступали на протяжении веков. И тот, и другой способ позволяют увеличить количество тем, о которых можно писать на грико, дополняя его абстрактными понятиями и явлениями современной жизни. Наконец, существуют и те, кто выступает против активного внедрения неологизмов, предлагая заниматься литературным творчеством, исходя из уже доступного на грико словарного запаса.

Споры сторонников языкового пуризма и языковой интерференции с новогреческим могли бы стать темой для отдельного исследования. Здесь я не буду останавливаться на этой теме подробно, поскольку моей целью было описать восприятие текстов на грико преимущественно италоязычной аудиторией и стратегии авторов в данной ситуации. Я постаралась показать, как эти стратегии меняются в зависимости от языковой компетенции самих авторов и их потенциальной аудитории. Кроме того, проанализированный мной пример показывает, какое место может занимать литература в активистском движении по сохранению и возрождению языка, в период *слома* языковой традиции, когда язык резко переходит из нижнего — бытового — в верхний — литературный — регистр.

Не вполне понятно, может ли такая форма литературного активизма длиться дольше определенного пика длиной в несколько десятилетий, поскольку преемственности в этой роли среди

представителей молодого поколения, скорее, не наблюдается. Однако в любом случае пример проанализированной мной традиции показывает, как при удачном стечении обстоятельств — наличия внешнего интереса, повышающего престиж исчезающего языка в глазах его носителей, поддержки местных властей и активной деятельности локальных активистов — “умирающий” язык может продлить свою жизнь еще на некоторое время, приобрести новый регистр использования и обогатить архивы будущих лингвистов большим количеством нового материала.

Список респондентов

- Анна Мария Тундо, ж., 1958 г.р., д. Дзоллино.
 Антоньетта Марти, ж., пригл. 1940 г.р., д. Стернатия.
 Джильо Пеллегрини, м., пригл. 1947 г.р., д. Стернатия.
 Лино (Аполлонии) Томмази, м., пригл. 1973 г.р., д. Калимера.
 Рокко де Сантис, м., 1964 г.р., д. Стернатия.
 Сальваторе Томмази, м., 1950 г.р., д. Калимера.
 Франко Корлиано, м., 1948 г.р., д. Калимера.
 Франческо Джаннаки, м., 1984 г.р., д. Солето.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *De Santis G., Figlieri G.V., Imbriani E.* (a cura di). La storia costruita. Storie di tabacchine grike a Sternatia nel Dopoguerra. Calimera, 2009.
2. *Klein G.* La politica linguistica del fascismo. Bologna, 1986.
3. *Aprile R.* Grecia Salentina. Origini e storia. Calimera, 1994.
4. *Gottardi A., Lenzo F., Witschi K.* Le migrazioni Sud-Nord Italia dal dopoguerra ad oggi: un caso FIAT. P. 3. Электронный ресурс: <http://www.cpc-chiasso.ch/attivita/doc/Migrazioni%20SUD-NORD%20in%20Italia%20nel%20dopoguerra.pdf>
5. *Дориан Нэнси.* Утрата и сохранение языка в ситуации языкового контакта // Вахтин Н. (ред.). Социолингвистика и социология языка (хрестоматия). СПб, 2012. С. 382–401. [Dorian, Nansy. [Language Loss and Maintenance in Language Contact Situations] Vakhtin, N. (Ed.). *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka (khrestomatiya)* [Sociolinguistics and Language Sociology (Anthology)]. St. Petersburg, 2012. P. 382–401.]
6. *Palamà S.* (a cura di). Dalla cronaca alla storia: trent'anni di cultura nel Salento. Calimera, 2016.

7. *De Luca L., Bruni M.* Unemployment and Labour Market Flexibility: Italy. Geneva, 1993.
8. *King R., Strachan A., Mortimer J.* Gastarbeiter Go Home: Return Migration and Economic Change in the Italian Mezzogiorno. King R. (ed.). Return Migration and Regional Economic Problems (Routledge Library Editions: Economic Geography). 2nd ed. Routledge, 2015. Ch. 2.
9. *Amoruso O.* Puglia: processi economici e gerarchie urbane in una regione mosaico. Muscarà C., Scaramellini G., Talia I. (a cura di). Tante Italie Una Italia. Dinamiche territoriali e identitarie. Vol. II: Mezzogiorno. La Modernizzazione smarrita. Milano: FrancoAngeli, 2011. P. 56–78.
10. *Pellegrino M.* I glossa grika: ittè ce avri. La lingua greco-salentina tra passato e futuro. Azzaroni G., Casari M. (a cura di). Raccontare la Grecia. Una ricerca antropologica nelle memorie del Salento griko. Kurumuny, 2015. P. 515–548.
11. *Mitchell T.* (ed.). Global Noise: Rap and Hip Hop Outside the USA. Middletown (CT), 2001.
12. *Pizza G.* Il tarantismo oggi. Antropologia, politica, cultura. Roma, 2015.
13. *Haller H.W.* The Other Italy: The Literary Canon in Dialect. Toronto, 1999.
14. *Pellegrino M.* Performing Griko beyond 'death'. Palaver 5 n.s. (2016), n. 1, 137–162.
15. *Golovko E., Panov V.* Salentino Dialect, Griko and Regional Italian: Linguistic Diversity of Salento. Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria. El. publ., <https://journals.uvic.ca/index.php/WPLC/article/viewFile/11924/3834>
16. *Lisi G.* La fine del rito greco in Terra d'Otranto. Brindisi, 1988.
17. *Comparetti D.* Saggi dei dialetti greci dell'Italia meridionale. Pisa, 1866.
18. *Morosi G.* Studi sui dialetti della terra d'Otranto. Lecce, 1870.
19. *Palumbo V.D.* Io' mia forà. Fiabe e Racconti della Grecia Salentina, in due volumi, a cura di S. Tommasi. Calimera, 1998.
20. *Palumbo V.D.* Ìtela na su pò. Canti popolari della Grecia Salentina, a cura di S. Sicuro. Calimera, 1999.
21. *Palumbo V.D.* Roda ce Kattia (con note, trascrizione fonetica e traduzione di Paolo Stomeo). Lecce, 1971.
22. *Cassoni M.* Pracaliso min glossa-su (Prega con la tua lingua). Lecce, 1935.
23. *Pellegrino G.* (a cura di). Pedia tis palèas màna (Figli dell'antica madre). San Cesaro di Lecce, 2004.
24. *Anchora A.* (a cura di). La poesia greca: una realtà da scoprire e valorizzare. Galatina, 2002.
25. *De Santis C.* "...me to melì ce to pricò". Poesie e filastrocche (in griko e in dialetto). A cura di M. Tarantino e introduzione di M.L. Tarantino. Roma, 2011.
26. *De Santis C.* ... Ce meni statti. Melpignano (LE), 2001.
27. *Pivato J.* Echo: Essays on Other Literatures. Montreal, 2003.
28. *Piomalli A.* La storia della letteratura italiana. Cassino (La), 1987.
29. *West R.* The Place of Literature in Italian Cultural Studies. // Parati G., Lawton B. (eds). Italian Cultural Studies. Baltimore, 2001. P. 12–26.
30. *Polezzi L.* Polylingual Writing and the Politics of Language in Today's Italy. New Perspectives in Italian Cultural Studies: Definitions, Theory, and Accented Practices. Madison, 2012. P. 87–112.
31. *Tommasi S.* Alia loja. Traùdia. Galatina (Le), 2009.
32. *Ala-Risku R.* Plurilinguismo e illusione dell'oralità nella narrativa italiana contemporanea // Ruffino G., Castiglione M. (a cura di). La lingua variabile nei testi letterari, artistici e funzionali contemporanei. Analisi, interpretazione, traduzione. Atti del XIII Congresso SILFI Società Internazionale di Linguistica e Filologia Italiana (Palermo 22–24 settembre 2014). Firenze, 2016. P. 63–71.